

Растительные лозы вовсе не собирались убивать Ло Сина — они лишь проучили его так, чтобы запомнил на всю жизнь. Назидательный урок.

Каждого, кто посмеет посягнуть на избранника божества-покровителя, ждёт та же участь!

Спустя несколько минут розы, стаи птиц и буйные заросли отхлынули, точно морской отлив. Цветочное море вновь обрело прежний безмятежный и прекрасный вид.

Люди из съёмочной группы наконец вышли из оцепенения. Дрожа от страха, они принялись испуганно перешёптываться, пытаясь осмыслить чертовщину, свидетельницей которой только что стали. Произошедшее совершенно не укладывалось в рамки науки. Это было больше похоже на сцену из фэнтезийного романа.

Ло Сина знатно пошвыряло в воздухе — крутило на все триста шестьдесят градусов, словно на смертоносных американских горках. Когда бедолагу наконец опустили на землю, он балансировал на грани безумия. Он так и остался лежать в пыли, обессиленный, с ходуном ходящими руками и ногами. Волосы его растрепались, со лба крупными каплями катился холодный пот, стекая к крыльям носа. Сбежавшиеся к нему сотрудники приняли эти капли за слёзы и всполошились:

— Брат Ло, ты в порядке? Как ты?

«Да неужели по мне не видно, идиоты?!»

Ковыляя и спотыкаясь, Ло Син поднялся. Затравленно озираясь по сторонам, он припустил прочь, будто за ним гнались все черти преисподней.

— Не буду я больше сниматься! Контракт к чёрту! Расторгаю! — его обычно низкий, бархатистый голос сейчас отчётливо срывался на плач.

Режиссёр Лань Си лишь безмолвно приоткрыл рот, не находя слов.

Члены съёмочной группы испуганно переглядывались. Никто не мог гарантировать, что взбесившаяся флора и фауна в следующий миг не набросится на кого-нибудь ещё.

Понимая, что и без того хрупкий боевой дух команды окончательно рушится, Лань Си зашуршал упаковками, раздавая испуганным людям стабилизаторы эмоций.

— Всё хорошо, успокойтесь. Не нужно паники, на сегодня съёмки приостанавливаются, — Лань Си изо всех сил пытался придать своему голосу вес и уверенность.

Хотя, признаться честно, у режиссёра и у самого поджилки тряслись. Что это за чертовщина

сейчас была? Неизведанное всегда пугает сильнее всего — такова уж человеческая природа.

В кадре находились двое, но и растения, и птицы ополчились исключительно на Ло Сина. Гу Пэйань же не получил ни единой царапины.

Задумавшись об этом, Лань Си невольно покосился на Гу Пэйаня.

Заметив немой вопрос на лице Лань Си, Гу Пэйань лишь пожал плечами:

— Я и сам толком ничего не понял. Думаю, тут замешаны божественные силы. Что, если сцена, которую мы только что репетировали, пришлась не по нраву местному хранителю?

Режиссёр замер на месте. А ведь если подумать, это всё объясняло.

— Учитель Гу, думаете, местное божество оскорбилось тем, что его кто-то изображает?

Гу Пэйань кивнул. Из всех версий эта казалась самой правдоподобной. Честно говоря, все эти клишированные фразочки вроде «Человек, ты заинтересовал меня» настолько опошляли образ грозного духа, что удивительно, как тот вообще не стёр их в порошок. Разумеется, божество-покровитель вышло из себя.

Осознав мотивы этого загадочного гнева, Лань Си схватился за голову. Ситуация зашла в тупик: где теперь, чёрт возьми, искать актёра на роль божества?

Попытка достучаться до Ло Сина провалилась — тот забаррикадировался в своём жилом модуле и категорически отказывался выходить наружу.

— Как только прибудет грузовой челнок с припасами, я улечу отсюда первым же рейсом! Ноги моей больше не будет в этой проклятой глуши! — яростно голосил из-за двери Ло Син.

Чувствуя за собой вину, Лань Си не стал настаивать. Он лишь пообещал, что не станет требовать выплаты неустойки за расторжение контракта, и поплёлся прочь.

Потеря исполнителя одной из главных ролей — страшный удар для любого проекта. А в их условиях, на дикой окраине обитаемого космоса, без стабильного канала связи, это и вовсе означало катастрофу. Пока отправишь запрос, пока выпишешь замену, пока новый актёр доберётся сюда... пройдёт не меньше месяца.

Бюджет таял на глазах, каждый день простоя сжигал миллионы кредитов, и Лань Си понимал, что ждать они не могут. Выход напрашивался один: срочно искать замену среди тех, кто уже находится на съёмочной площадке.

В полдень режиссёр созвал общее собрание. На поляне перед лагерем выстроилась пёстрая толпа из нескольких десятков человек — от актёров второго плана до осветителей и гримёров.

В эпоху повальной генетической коррекции откровенно некрасивых людей в обитаемых мирах практически не осталось, однако лица такого уровня, как у Гу Пэйяня или Ло Сина — породистые, магнетические, западающие в душу с первого взгляда, — всё ещё оставались редким даром природы.

Лань Си безжалостно отсеял всех с просто симпатичной, но незапоминающейся внешностью, а перед оставшейся горсткой кандидатов поставил вопрос ребром: кто готов сыграть божество-хранителя?

Собравшиеся стыдливо переглядывались. Повисла тяжёлая тишина. Будь это обычные съёмки, за такую роль статисты перегрызли бы друг другу глотки. Любой мало-мальски амбициозный новичок мечтал хотя бы раз оказаться в одном кадре с суперзвездой Гу Пэйянем. Но сейчас перед глазами каждого стояла жуткая картина расправы над Ло Сином.

— И что, совсем ни одного желающего? — Лань Си занервничал и поспешил повысить ставки. — Если согласитесь, я лично поговорю с продюсерами и выбью для исполнителя роли процент от кассовых сборов. Скажем, один процент.

Сумма вырисовывалась астрономическая. С Гу Пэйянем на афише кассовые сборы гарантированно превысят сотню миллионов, так что счастливчик за пару недель работы обеспечил бы себя на всю оставшуюся жизнь. Но толпа хранила гробовое молчание. Деньги деньгами, но какой от них толк, если тебя разорвут на части взбесившиеся кусты?

Поняв, что уговоры бесполезны, Лань Си обречённо махнул рукой и отпустил людей. Теперь он отчётливо сознавал: завершение съёмок зависит не от бюджета или таланта, а исключительно от милости этого невидимого «божества». Мысленно вздохнув, он потянулся к коммуникатору, чтобы предпринять очередную попытку связаться с Федеральным бюро археологии.

Получить внеплановый выходной в первый же рабочий день — казалось бы, живи да радуйся. Но здешние места нагоняли такую жуть, что никто не рискнул отправиться на прогулку. Все предпочли забаррикадироваться в своих каютах.

Гу Пэйянь не стал исключением и поспешил вернуться в свой жилой отсек, где его ждал маленький лисёнок.

Стоило распахнуть дверь и увидеть белоснежный пушистый комочек, уютно свернувшийся посреди кровати, как вся усталость и тревога мгновенно улетучились.

— Гоудань! — Гу Пэйянь коршуном налетел на зверька, сгрёб его в охапку и нежно зарылся лицом в пушистую шёрстку. — Скучал тут без меня, маленький? — он принялся перебирать его мягкие, податливые ушки и трогать нежно-розовые подушечки лап, глуповато улыбаясь от

умиления. — Братик пришёл, теперь мы поиграем!

Лисёнок сохранял царственное бесстрашие.

Цзэляню и впрямь не было скучно. За долгие тысячелетия он привык к одиночеству — его жизнь давно превратилась в тихое, стоячее болото, где никогда ничего не происходило.

— Та-да-да-дам! — Гу Пэйань с триумфальным видом извлёк из кармана шуршащий фольгированный пакет и помахал им перед чутким носом лисёнка. — Смотри, что у меня есть!

Зверёк лишь слегка приподнял веки, одарив его снисходительным взглядом.

Гу Пэйань разорвал плотную фольгу и заботливо протянул лисёнку кусок сочной, сочащейся сукровицей говядины.

— Ты, наверное, проголодался, бедняжка. Ну-ка, угощайся!

«И где только этот смертный ухитрился раздобыть свежее мясо?»

Цзэлянь брезгливо отвернулся, плотно сжав пасть. Больше всего на свете он ненавидел душлистый запах сырой крови.

Столкнувшись с таким пренебрежением, Гу Пэйань окончательно растерялся.

— Эй, глупышка, это тебе не суррогатная соя из супермаркета, которой пичкают обывателей. Настоящая, чистая вырезка!

За этот скромный деликатес ему пришлось выложить одному из операторов кругленькую сумму в двести тысяч кредитов.

— Ты у меня что, святым духом питаешься? Или ты скрытый бог, которому не нужна мирская пища? — со смехом спросил актёр, мягко взъерошив белоснежную макушку.

Маленький лис недовольно уклонился от ласки. Опершись на мягкие розовые лапки, он неторопливо выбрался из объятий мужчины и демонстративно устроился на противоположном краю постели, повернувшись к нему пушистой спиной.

Гу Пэйань озадаченно уставился на капризного питомца.

— Ну и повадки у тебя. Ты ведь даже к воде не притрагиваешься.

От этих слов Цзэлянь внутренне напрягся.

По правде говоря, он всерьёз опасался, как бы этот настырный человек не догадался, кто перед ним. Тяжёлая тень недавнего унижения, когда его приняли за обычного зверя, до сих пор уязвляла гордость великого духа.

Поэтому, когда Гу Пэйань в очередной раз пододвинул к нему миску, божество пересилило себя. Он нехотя высунул крошечный розовый язычок и пару раз чисто символически лизнул воду, после чего молниеносно спрятал его обратно.

— О боже, какая прелесть! — Гу Пэйань от избытка чувств шумно выдохнул и прижал ладони к щекам.

Лисёнок одарил его искренне недоумевающим взглядом.

— Гоудань, у тебя такой очаровательный язычок! Покажи его братику ещё разок, ну пожалуйста... Ну крошечный разочек! — Гу Пэйань снова сцапал пушистый комок, млея от восторга.

«...»

«У меня крепнет подозрение, что этот смертный безнадежно лишён рассудка».

Сам же Гу Пэйань растянулся на шёлковом покрывале, тихо млея от счастья. С этим пушистым чудом он был готов возиться сутками напролёт, забросив все дела мира. В который раз он мысленно благодарил судьбу за то, что она послала ему этого зверька.

Перерыв все дорожные сумки, он отыскал небольшую щётку с мягкой щетиной — идеальный инструмент для ухода за деликатной шёрсткой питомца.

Пожалуй, во всей Галактике ни одно существо не удостоивалось столь трепетной и нежной заботы от самого Гу Пэйаня. Прознай об этом преданные фанаты, они бы точно изошли завистливыми слезами.

— Гоудань, до чего же ты чистоплотный, — приговаривал Гу Пэйань, бережно разглаживая волосок к волоску.

Лисёнок тихонько фыркнул и сладко потянулся всем телом.

Сам великий дух ещё не осознавал, что незаметно для себя поддаётся очарованию этого смертного, перенимая у него чисто человеческие привычки.

Разомлев от приятных прикосновений, Цзэлянь довольно зажмурился. Его роскошный белоснежный хвост мерно покачивался из стороны в сторону.

Из глубин памяти вдруг выплыли призраки далёкого прошлого. Когда-то, целую вечность назад, смертные точно так же преклонялись перед ним и заискивали... Но в итоге всё обернулось чёрным предательством.

Тяжёлые мысли сковали разум божества, заставив его погрузиться в угрюмое молчание.

— Приятно, да? — ласково спросил Гу Пэйань, заглядывая в полуприкрытые глаза лиса. Коварная мысль заставила его руку соскользнуть к пушистому животу зверька. — Ну же, Гоудань, дай братик посмотрит, мальчик ты у нас или девочка...

Договорить он не успел. Цзэлянь молниеносно вскинул лапу и точным, в меру чувствительным ударом отбил наглую ладонь. Силы в этом жесте было ровно столько, чтобы пресечь беспардонное покушение на личные границы.

«Священные тайны божества не предназначены для глаз ничтожных смертных!»

— Ну ладно, ладно, не дуйся, глупыш, — Гу Пэйань поспешил смягчить тон, заметив гневную искру в глазах питомца.

Глядя в эти светящиеся нежностью глаза, Цзэлянь почувствовал, как у него нервно дёрнулось веко, а по низу живота пробежал подозрительный холодок. Что-то здесь было явно не так.

Гу Пэйань вновь бережно устроил его у себя на груди, ласково почёсывая бархатистую макушку.

Поскольку двуногий больше не пытался нарушить границы дозволенного, Цзэлянь не стал вырываться. Телесный контакт со смертным шёл божеству только на пользу, подпитывая его угасающие силы.

— Ну откуда в тебе столько очарования? — прошептал Гу Пэйань, утыкаясь носом в пушистый загривок. — Ты ведь появился только для того, чтобы спасти меня от этого безумного мира, правда?

Цзэлянь безмолвно шевельнул сначала одним, а затем и вторым ухом, внимательно прислушиваясь.

Наедине с собой Гу Пэйань частенько предавался размышлениям вслух. Но если раньше роль его личного психотерапевта выполнял бездушный робот Сяо Ань, то теперь вся изнанка души актёра изливалась на пушистого слушателя.

Налюбовавшись питомцем, он плавно перешёл к рассказу о сегодняшнем безумии.

—... В общем, представляешь, какой кошмар? Ло Сину, конечно, не позавидуешь, бедняга едва унёс ноги, ха-ха. Но если подумать, больше всего досталось самому божеству. Прекрасный, окутанный тайной образ сценаристы умудрились превратить в какого-то лоснящегося, вульгарного дельца из бульварного чтива. Вот скажи мне, Гоудань, разве это не кошунство? Может, божество-покровитель просто оскорбилось? Наш глупый сценарий так осквернил Его величие, что Он решил пресечь это святотатство и проучить Ло Сина?

Только теперь до Цзэляня дошло, какую изощрённую экзекуцию устроили его лесные слуги за его спиной. Впрочем, духи лишь пытались угодить своему господину, пусть и проявили чрезмерное рвение. Карать их за преданность он не собирался.

— Работу над фильмом теперь наверняка приостановят, — с довольной улыбкой подытожил Гу Пэйянь. — У режиссёра голова кругом идёт, а у меня наконец-то появится куча свободного времени. Будем целыми днями валяться вместе!

При одной лишь мысли об этом его губы сами собой расплылись в счастливой улыбке. Мысль о том, что он проведёт кучу времени со своим пушистым сокровищем, грела душу.

Цзэлянь же, напротив, нахмурился.

«Остановка съёмок лишит меня ароматических подношений».

Чего бы это ни стоило, он обязан найти способ заставить людей продолжить съёмки.

<http://bllate.org/book/20372/2208818>